

Часть первая
**ОБОРОТНЫЙ
ГОРОД**

— Иловайский!
Не встану... не хочу... ещё с полчаса...
— Иловайски-ий!!!

Господи, чего ж так орать-то ни свет ни заря... Вчера я лёг поздно, зачитался новым французским романом о жизни игривой, но прекрасной крошки Розалинды из монастыря Сен-Мишель Жервэ де Блю-Блю. Должно же у дяди быть хоть какое-то сострадание?

— Иловай-ски-ий... кх... ох... От леший, опять горло сорвал... Прощка! А ну, всыпь этому негоднику пять плетей от моего имени и волочи сюда за химок, как кутёнка!

Ну вот, пошли непрозрачные намёки, склонение посторонних лиц к физическому рукоприкладству, угрызены поркой... На последнем моего дядюшку просто клинит, к врачу его сводить, что ли, или самому втихую подлечить касторкой? А-а, вставить всё равно придётся...

— Ваше благородие, — дружелюбно прогудел у меня над ухом тяжёлый бас моего денщика, — поднимайтеся ужо, а то их превосходительство гневается.

— Эх, Прохор, знал бы ты, где я в такое время вижу моего драгоценного дядюшку...

— Знаю, ваше благородие. У мерина под хвостом да всего целиком, с сапогами и шпорами да с кусачим норовом! — ухмыльнулся старый казак, подавая мне полотенце.

Я скатился с широкой лавки в сенях, шагнул к ручкомойнику, в осколке зеркала отразилась помятая

физиономия молодого человека с заспанным лицом, всклокоченным чубом и тонкими усами. Боже мой, и это я?!

Под глазами круги, морда красная, как с перепоею, но я ведь и не пил вчера, только читал! Или читал вприхлёбку? Нет, вряд ли... Конечно, в отличие от большинства станичников я могу время от времени позволить себе стакан сухого красного, а здесь в селе только самогонка, мне один раз нюхнуть — и в хлам! Не кантовать, не шевелить, не будить и не взывать к совести — если встану на ноги, могу быть агрессивным и ничего наутро не помнящим...

Да, кстати, позвольте представиться: хорунжий Илья Иловайский, двоюродный племянник самого генерала Иловайского 12-го, прошедшего уйму войн, украшенного шрамами, увешанного всеми мыслимыми наградами, добрейшей души человека, неизвестно за что получившего в наказание меня!

А я, как вы наверняка уже поняли, воплощённый позор семьи...

— Вот ить всем ты хорош, Иловайский, — частенько говаривал мне дядюшка, вечно величая меня по фамилии. — И красив, и силён, и храбростью не обижен, да токма одна беда — воевать не любишь! Нет в тебе честолюбию воинского, всё с книжками носишься, всё витаешь гдей-то в эмпиреях. Ох, лышенько, маета ж ты моя нервотрёпистая...

Всё так, всё честно, обижаться не на что, ибо меня, потомственного казака, младшую ветвь знаменитого родового древа, офицерская карьера не прельщала абсолютно. Батюшка погиб, отражая крымские набеги, маменька в одиночку поднимала четырёх дочерей и такого неслуха, как я. Ей помогали, но...

Я рос болезненным ребёнком, отчего рано приобрёл страсть к фантазиям и созерцательности. В станицах этого не любят, и хотя мне пришлось научиться стоять за себя, но соседские мальчишки колотили меня почти ежедневно. Что и сподобило маменьку в конце концов отправить меня, умника на восемнадцатом году жизни, на Дон, под суровую опеку дядюшки Василия Дмитриевича. И вот уже третий год мы с ним попеременно изводили друг дружку...

Но сегодняшний день был особенным хотя бы потому, что раз и навсегда бесповоротно изменил мою судьбу, превратив из простого младшего казачьего офицера в самого настоящего характерника. Но об этом чуть позже, по порядку, а то запросто собьюсь...

— Звали, дядюшка? — Я вошёл в горницу.

— Звал?! — Мой героический родственник полулежал на турецкой оттоманке, с видимым удовольствием потягивая крепчайший кофе из глиняной кружки. Напиток на любителя, да и порция лошадиная, но старому донцу нравилось. — «Звал» не то слово... Орал, аки труба иерихонская! А ты небось опять лёг за полночь? Ох, Илюшка, не будь ты мне роднёй, хоть и дальнею, я б тя своей рукой, по-отечески так, мозги через одно место... Тьфу, прости, Господи, мя грешного! Так вот бы и вправил...

— Угу, у нас всё в полку вашей рукой через это место так и вправляется, — тихо буркнул я, но дядя услышал и едва не поперхнулся кофе:

— А ну, цыть! Да я тя, сукин ты сын...

— Мне маменьке так и написать?

— Чего? — сразу сдулся он, отродясь не писавший писем.

— Ну что я — сукин сын, что она моя мама и что вы нам родня!

Дядя пару минут подумал, молча отхлебнул из кружки, потом сообразил, что к чему, и разорался опять:

— Иловайский, не доводи до греха! Я ить те не токма дядька, но и полковой командир. По-свойски не обижу, а по уставу мигом в солдаты лоб забрею. А ну, марш седлать коня и пулей к генералу Чернышову: получишь от него карту да какой-то пакет запечатанный — и сразу назад! Коли узнаю, что в кабаке задержался, так... Хотя-а чего уж... Лучше б ты по кабакам бегал, а книжонки твои французские до добра не доведут! Как в глаза станичникам смотреть будешь, ежели с похода скорого без единого креста на груди заявишься? Срамота! Чего девкам-то показывать станешь?

— Ну-у, видимо, то, что их интересует...

Дядя ещё раз поперхнулся кофе и, отдышавшись, рявкнул:

— Исполни приказ, хорунжий!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — Я ловко щёлкнул короткими шпорами, развернулся, дошёл до двери, слегка замялся на пороге...

— Чего подсказать? — не удержался генерал.

— Корень квадратный из шестнадцати? — невинно кивнул я.

Дядюшка пошёл пятнами, а кофе не в то горло...

— Во-о-он!

Полностью удовлетворённый своей маленькой победой, я выскочил во двор, на ходу бросив денщику, чтоб готовил коней. Наш полк в то время квартировал в селе Калач, дяде, разумеется, досталась лучшая

хата, ну и я при нём, пусть в снях, но грех жаловаться. Казаки неспешно, без суеты занимались бытовыми делами: купали лошадей на пологом берегу, кашевары разводили огни, молодёжь пела заливчатские песни о загранице и геройских деяниях под Лейпцигом и Парижем...

Я улыбнулся солнышку, поправил папаху позабекреннее, а верный Прохор уже подводил двух осёдланных скакунов. И как он только всё успеваает?

— Поедем, что ль, ваше благородие...

— А куда спешить-то?

— Дык его сиятельство гневаться будут, — хмыкнул он. — При всех орать, вашу мать поминаать да ногами сучить, как на сковороде шкварчить!

— Поэт ты у меня, Прохор, — со вздохом признал я. — Настоящий поэт, самородок из народа, уважаю! Но только на этой кобыле я не поеду...

— Да отчего ж так?

— Она меня позавчера укусила! Причём сзади по-подлому подкралась, тяпнула — и дёру... А мне до сих пор сидеть больно. Показать?

— Нет, — решительно отказался денщик.

— Тогда веди её обратно, а мне дядюшкиного араба оседлай.

— Смилуйте, ваше благородие, да можно ли?! Ить генеральский конь — глаза как огонь, землицы не пашет, не ходит, а пляшет, на нём всякий конник и чёрта догонит!

— Вот именно, — я наставительно поднял вверх указательный палец. — Дядюшка отдыхает, ему араб ни к чему, а меня генерал Чернышов уже ждёт с распростёртыми объятиями. Давай, давай...

— И всё ж таки...

— Прохор! Будь по-твоему, попробуем рассуждать логически. Мой дядя Василий Дмитриевич — человек пожилой, усталый, ему больше отдыхать надо. А конь у него молодой, резвый, ему надо больше двигаться. Если я поеду на этой сволочной кобыле, и она опять меня тяпнет, и я предстану перед дядиным другом мрачный, злой, почёсывающийся, с прокушенными штанами, то что он подумает о неуставных взаимоотношениях в нашем полку? А коли он напишет куда следует да и нашлёт на нас ревизию?! Ну мало ли, вдруг ещё кого покусали, а человек и признаться стесняется... Или что у нас лошади до того голодные, что и казачьими шароварами не брезгуют? Так и до самого государя дойдёт! Дядю в отставку, офицеров под арест, весь полк в расформирование...

— Спаси, сохрани, Царица Небесная! — истово перекрестился Прохор.

— Вот видишь, а всё из-за чего? Из-за того, что ты со мной споришь по всякому пустячному вопросу. Всё, иди седлай араба.

— А его сиятельство не обидится?

— Так мы ж не его сиятельство седлаем! — прорычал я, и старого денщика будто ветром сдуло.

Буквально через пару минут он вернулся, ведя в поводу стройного пылкого жеребца арабских кровей, подарок от благодарных французов. Ну ведь может, когда надо! Главное — правильно очертить подчинённому задачу да погуще расписать ту бездну ужаса и праха, в которую он лично ввергнет мир в результате банального неподчинения...

Араб был великолепен! Белый, в яблоках, ножки как виноградная лоза, точёные копытца, казалось, можно уместить на ладони, а глаза, густо-фиолетовые, словно

кубанские вишни, в обрамлении длиннющих девичьих ресниц, смотрели умно и пронизательно. Прокатиться на нём было тайной мечтой всего полка, но дядюшка скупердяйничал в этом плане и, хотя сам предпочитал рослых донских скакунов, араба держал при себе для особо торжественных, парадных выездов. Глупо, согласитесь?

— Хорош, хорош... — едва дыша от восторга, похвалил я.

Конь доверчиво ткнулся плюшевым храпом мне в плечо, чем заглушил последние остатки совести, я сам резко осознал, что, забирая его без спроса, практически совершаю благое дело для всех! Он фыркнул мне в лицо, и я, не касаясь стремени, птицей взлетел в седло...

— Прохор! За мной!

Благородный скакун, не дожидаясь плети, а повинаясь лишь импульсивному движению моих коленей, с места взял в галоп. Мой бородатый денщик только присвистнул вслед, пытаясь взять тот же аллюр на своём рыжем жеребце, нахлёстывая его по натруженному крупу, но где там...

— С дороги-и, зашибу-у! — счастливо вопил я, приставляя на стременах во весь рост.

Казачья обычная езда «пистолетиком», высоко задрав поводьями голову лошади, как естественную защиту от пуль и пики, не сидя, а почти стоя в седле. Так удобнее рубиться, да и чувствуешь себя не в пример устойчивее тех же французских гусар, дерущихся, словно на живой табуретке. А ведь лошадь — существо разумное, мыслящее, с ним нельзя не считаться в бою. Поэтому донцы и выращивают себе боевого коня столь же терпеливо, как собственного ребёнка...

Вслед мне нёсся восхищённый свист (араб — невероятно красивая скотина!), незатейливые проклятия (пару котлов с кашей мы успешно перевернули прямо на поваров), завистливые вздохи (а кому же не хочется так поразвлечься на генеральской собственности?) и тёплые пожелания самого разнообразного свойства — от братского «пошёл ты к едрёне фене, хлопчик!» до сердечного «чтоб те шею свернуть, атаманский племянничек!».

Но всё это были мелочи, кто на них обращает внимание? Мне было главное — успеть пришпорить жеребца, когда за моей спиной раздался громоподобный рык непонятно чем недовольного дяди:

— Иловайски-ий, каналья! Конокра-ад!!!

— Кому это он? — на всём скаку спросил я у араба, и он так же непонимающе повёл острыми ушами. В самом деле, не возвращаться же, чтобы уточнить?!

Я вылетел за околицу, верный Прохор отстал окончательно, возможно, именно это и послужило первопричиной всех моих несчастий. И более того, целой цепи таинственных и мистических историй, о которых я принуждён вам рассказать. Почему принуждён? Да потому что молчать уже просто немогуту!

Итак, как только я ушёл за село узкой тропкой, петляющей меж деревьев, то почти сразу же, на втором или третьем повороте, мой (или всё-таки дядин?) благородный скакун встал на дыбы, едва не сбросив меня и не сбив грудью скрюченную нищую старушеницу самой неприглядной наружности. Драная одёжка, всклокоченные волосы, загнутый клювом нос, редкие зубы и совершенно безумные глаза! Если вы хоть как-то представляете себе ведьму, так вот это точно была она самая...

* * *

— Простите великодушно, — вежливо прокричал я, пытаюсь успокоить жеребца. Однако белый араб бил крупом, нервничал и даже каким-то особенным образом грозно всхрапывал в сторону отскочившей старушки, словно пытаюсь отогнать её подальше. И мне бы стоило прислушаться к его животному чутью...

— Хи-хи-хи, уж больно ты приткий, казачок, — неожиданно громко, едва ли не басом, отозвалась нищенка. — На старого человека наехал, за малым с ног не сбил, конём потоптал, до смерти напугал, а уж одним прощеньем откупиться хочешь?

— Виноват. — Я лишний раз цыкнул на жеребца и полез шарить по карманам. — Не дурак, сей же час исправлюсь, чем могу...

А для достойного извинения было мало, копеек десять — двенадцать, потому как откуда у меня деньги? Жалованья казаки не получают, а я так вообще на полном содержании у дяди-генерала, мне наличные и на дух не положены. Но что есть — отдал... не жалко!

— Всего-то? Тьфу, жмот с усиками! — искренне возмутилась старуха.

Ну не х...рена себе, а?! Двенадцать копеек — это ж больше гривенника, а хороший калач можно и за пятак прикупить. Она стала богаче на два с половиной калача, я — беднее церковной мышки, и кто после этого жмот?! Тем не менее я сдержал праведное негодование и подчёркнуто вежливо попрощался:

— Дай вам Бог, бабушка, всяческого благополучия! И жертвователей щедрее, и не кашлять туберкулёзно, и не сопливиться гайморитно, и радикулитом в неприличной позе не страдать, и гематомой врождённой

не маяться, да про опухоль на весь мозг забыть, как её и не было! А мне на службу пора...

— Ну-ну, казачок, — хрипло донеслось мне в спину, когда я уже разворачивал коня. — Пошутил ты надо мной знатно... Уж не обессудь, коли и я над тобою в ответ потешуся, дорогу твою мёртвой петлёй заверну!

— Чегось, а? — Я резко натянул поводья, но сзади уже никого не было. Старуха-нищенка словно бы провалилась сквозь землю, или воспарила, или вообще ловко залегла за пенёком, маскируясь под безобидные ромашки. Чудеса-а...

Трижды сплюнув через левое плечо, я хмыкнул и пустил араба вскачь. За рощицей на пустыре показалось маленькое сельское кладбище, дорога вела в объезд, если махну напрямки в намёт, то до штаба Чернышова доберусь менее чем за час.

Солнышко греет, птички поют, погодка чудная, на небе ни облачка, настроение вернулось мгновенно, мир снова распахнул мне разноцветные объятия зелёных лугов и голубого горизонта! Я восторженно приподнялся на стремях — хотелось петь и орать от невообразимой полноты чувств, молодости, света, горячего коня и... Пыльная дорога неожиданно встала вертикально, изогнулась под невероятным углом, качнулась на хвосте, словно азиатская кобра, и хлётко ударила меня в лоб!

Очнулся в темноте от холода, боли в затёкшей спине и непрошенных зловещих голосов над самым ухом...

— Здесь разделаем! На поляну неча и волочить, там все накинутся, а тут и на двоих тока разок куснуть. Щас ножик от наточу, ступился о кости-то...

— А чё те ножик? Когтём его под кадыком махнём, да и вот она, кровушка! Жаль одно, что молод казачок-то, жирку не нагулял...

— Зато и мясо без холестерина! А то ить с прошлогó драгуну стока изжогой мучилися, ой мамоньки-и...

— А неча было жрать непрожаренное!

— Да чья бы корова мычала, молчи уж... Сам-то крестьян прямо с лаптями ешь!

— Дык лапоты-то, он, поди, продукт натуральный, берёзовый, растительного происхождения... Может, мне в организме витаминов не хватает? Да ты режь, не томи!

— Щас, щас, режу ужо...

На последней фразе я поймал себя на том, что почти заслушался, но быстренько опомнился и сел. После чего только раскрыл глаза. Зрелище открылось настолько жуткое, что захотелось снова зажмуриться, но любопытство оказалось сильнее...

Получалось, что сию я один посреди кладбища на какой-то древней каменной плите, солнце давно село, в сгущающихся сумерках покосившиеся кресты выглядели особенно зловеще, а прямо передо мной два низкорослых мужичка с нехорошими ухмылочками губы облупленные облизывают. Оба лысые, одеты в тряпье, глазки маленькие красным светятся, и клыки в оскале редкие, но, видать, острые...

— Не вовремя ты, казачок, проснуться порешил. Ну да мы те веки вновь смежим, реснички пообрываем, очи ясные сталью пощекочем, — заговорил один, а другой, тяжело дыша, нервно поигрывал кривым ножом.

— Один момент, — с трудом вернув себе голос, попросил я, понимая, что до сабли сейчас не дотянусь. —

Имею важное и серьёзное коммерческое предложение!

— Жизнь свою выкупить хошь? Не пройдёть...

— Это я понимаю, по-любому есть будете. Но ведь тут весь вопрос в правильном подборе специй, а у меня как раз...

Оба негодяя откровенно приняухались. Я хитро сощурился и подмигнул (безошибочный трюк, на него всегда покупаются!), и две заинтересованные, дурно пахнущие морды приблизились к моему лицу...

Хлоп! Я резко взмахнул руками, изображая ловлю мухи, — двое пустоголовых стукнулись висками друг о дружку и без стога отвалились в разные стороны.

— Станичное детство, — аккуратно отряхивая ладони, пояснил я. — Сильный не всегда умный, а скорость важнее массы. Я поповских близнецов Сеньку и Мишку восемь раз так припечатывал, да они всё равно не поумнели... Про-хо-ор!

Мой одинокий крик завяз в ночной кладбищенской прохладе. Верный денщик не отзывался. Побегав взад-вперёд, мне пришлось признать, что и араб безвозвратно утерян.

Вернуться в Калач мне никак невозможно: дядюшка сожрёт с потрохами — и будет прав, а если я сейчас попрусь через лес к лагерю генерала Чернышова, то всё равно дотопаю только под утро. Да и с какой, собственно, физиономией спешенный хорунжий Иловайский, в пыли и еловой хвое, предстанет пред титулованным другом моего дяди? Коня нет, денщика нет, взял пакет и гордо уплёлся пешим строем?! Да меня последние солдатики на смех поднимут, а ещё взяшей насуют как растратчику и дезертиру! Кстати, пришить дезертирство мне сейчас проще простого, как

Часть первая. ОБОРОТНЫЙ ГОРОД	3
Часть вторая. ХАРАКТЕРНИК	85
Часть третья. БАСКСКОЕ ЗАКЛЯТИЕ	145